

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ

18+

Александра Ветрова

Последний танец

«Автор»

2026

Ветрова А.

Последний танец / А. Ветрова — «Автор», 2026

Осень 1888 года. Загородный особняк графа Строганова гремит балом, но для юной Анны этот вечер — всего лишь ещё одна скучная светская повинность. Её судьба уже предрешена: брак с богатым, но холодным князем, который спасёт обедневшую семью от разорения. Однако всё меняется, когда в зале появляется он — таинственный авантюрист Алексей Вронский, о котором ходят тёмные слухи. С первой минуты их вальса Анна теряет голову, а когда они сбегают в зимний сад, ночь становится их тайной, их исповедью и их проклятием. Между ними вспыхивает страсть, которая не знает правил, но на утро Анне предстоит сделать выбор: остаться в мире долга и приличий или бросить всё и последовать за человеком, чья жизнь — сплошная опасность. Погоня, предательство, отчаянная борьба за свободу и любовь, которая сильнее любых преград.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вальс под чужим взглядом	5
Глава 2. Исповедь в папоротниках	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александра Ветрова

Последний танец

Глава 1. Вальс под чужим взглядом

Осенний ветер, насквозь пропитанный влажной прохладой и запахом прелой листвы, со свистом врывается в высокие стрельчатые окна бальной залы, заставляя пламя свечей в тяжелых канделябрах трепетать и отбрасывать на стены причудливые, живые тени. Графиня Елизавета Алексеевна Строганова, урожденная княжна Волконская, с едва заметным неодобрением поджала губы, наблюдая за этой игрой стихий. В её мире, мире чопорных гостиных и строгих правил, ветер не должен был иметь власти над праздником. Но сегодняшний вечер был особенным, и даже природа, казалось, чувствовала это — предвкушала нечто, что должно было нарушить размеренный ход жизни усадьбы «Ольгино».

Её дочь, Анна, стояла у одного из окон, рассеянно касаясь пальцами холодного стекла. Отражение девушки в темной глади ночи было призрачным, размытым, словно она сама уже принадлежала не этому миру, а тому, что таился за пределами освещенной залы. На ней было платье цвета слоновой кости, скромное по меркам московской моды, но оттого еще более изысканное. Тонкий батист, кружева ручной работы, доставшиеся от бабушки, и единственная нитка жемчуга на шее — все, что осталось от бывшего богатства их рода. Анна прекрасно осознавала, что мать возлагает на этот бал огромные надежды, и эти надежды тяжелым грузом лежали на ее плечах. Граф Строганов, её отец, давно отошел от дел, промотав почти все состояние на скачках и карточных играх, и теперь их семья держалась лишь на престиже имени да на мизерной пенсии.

— Анна, ради Бога, перестань пялиться в эту темень, — раздался за спиной резковатый голос матери. — У тебя такой вид, словно ты собралась в монастырь, а не на бал, который может решить нашу судьбу. Князь Шуйский будет здесь, и его мать обещала представить тебя лично. Думай об этом.

Анна медленно обернулась, и на её лице появилась вежливая, заученная улыбка, та самая, что не касалась глаз.

— Я помню, маман. Князь Шуйский — достойная партия.

— Достойная? — Графиня даже фыркнула, поправляя кружевной воротник своего траурно-бордового платья. — Это больше, чем достойно, Анна. Это спасение. Ты прекрасна, умна, но наши дни сочтены, если мы не найдем тебе мужа с состоянием. Не строй из себя недотрогу, посмотри на это как на долг.

Слова матери звучали жестоко, но Анна давно привыкла к этой жестокости. Она знала, что внутри её матери, скрытая под слоями светских условностей, еще теплится любовь, но страх перед нищетой и позором сделал графиню сухой и практичной. Девушка опустила глаза, рассматривая узор на паркете, — вензеля, переплетенные с дубовыми листьями. Ей хотелось убежать, раствориться в этом осеннем ветре, забыть о князьях, графах и бесконечных балах. Но вместо этого она подняла голову и гордо выпрямилась.

— Я буду танцевать, маман. Обещаю, я буду блистать.

Графиня скептически прищурилась, но ничего не сказала, лишь кивнула, давая знак, что разговор окончен.

Тем временем зала постепенно наполнялась гостями. Слышался шелест шелка, звон бокалов, негромкий, сдержанный смех. Мужчины во фраках, с нафабранными усами и орденами, сновали между дамами, отпуская дежурные комплименты. Воздух стал густым от смеси дорогих духов, пудры и воска. Оркестр, устроенный на небольшом возвышении у дальней

стены, настраивал инструменты, и первые пробные звуки скрипок разливались по зале, словно предвещая скорое начало магии.

Именно в этот момент, когда Анна уже готовилась отойти от окна, двери гостиной распахнулись, и в залу вошел он. Анна не сразу поняла, что её взгляд прикован именно к этому человеку, словно какая-то неведомая сила заставила её мышцы замереть, а сердце — пропустить удар. Он был невысок, но его фигура излучала такую внутреннюю силу и уверенность, что казалась огромной. Черный сюртук сидел на нем безупречно, словно сшитый не портным, а самим дьяволом, но не было в нем той лощеной, кукольной элегантности, что отличала светских львов. В нем чувствовалась дикая, необузданная грация, свойственная хищнику, случайно забредшему на охотничий привал. Густые темные волосы были чуть длиннее, чем требовала мода, и падали на высокий лоб непослушными прядями. Но самым поразительным были его глаза — глубокого, почти черного цвета, с таким пронзительным блеском, что казалось, они видели не просто внешнюю оболочку, а самую суть человека, все его тайны и страхи.

Анна почувствовала, как краска приливает к ее щекам. Она никогда не видела этого человека раньше, но уже слышала о нем. Шепот гостей, подобно легкому ветерку, донес до нее его имя — Алексей Вронский. Или, точнее, тот, кто называл себя этим именем. Говорили, что он авантюрист, проходимец, что он связан с темными делами на юге, что за ним охотятся кредиторы, а в Петербурге его знают как картежника, обыгравшего не одного богача. Вокруг его имени вился целый рой жутких и заманчивых слухов, которые делали его одновременно опасным и невероятно привлекательным. Графиня Строганова, заметив направление взгляда дочери, едва заметно нахмурилась и, приблизившись, шепнула:

— Не смотри на него, Анна. Это не наш круг. Этот человек — тьма. Говорят, он втерся в доверие к хозяину дома, князю Голицыну, но зачем он здесь — никто не знает. Опасайся его.

Но Анна не могла отвести глаз. Было в этом человеке что-то, что переворачивало все её привычные представления о мире, о мужчинах, о правилах. Он стоял в толпе разодетых аристократов, но казался абсолютно чужим им, как волк среди охотничьих собак. Он не стремился ни с кем заговорить, лишь медленно обводил взглядом залу, и когда его темные глаза встретились с глазами Анны, она почувствовала, как по ее позвоночнику пробежал холодный, электрический разряд. Он слегка наклонил голову, едва заметно, почти неуловимо, в жесте, который мог означать и приветствие, и вызов. Анна не ответила, но её щеки вспыхнули еще сильнее.

Оркестр грянул вальс. Мелодия, полная страсти и какой-то щемящей грусти, поплыла над залой, и пары закружились в плавном, завораживающем танце. Анна ждала, пока к ней подойдет князь Шуйский — высокий, бледный молодой человек с бесконечно скучающим лицом, которого мать прочила ей в мужья. Но он медлил, разговаривая с каким-то старым генералом. И в этот момент, когда Анна уже начала чувствовать себя покинутой и униженной, рядом с ней возникла высокая тень.

— Простите мою дерзость, сударыня, — раздался низкий, бархатистый голос, от которого у Анны перехватило дыхание. — Я вижу, что вы ждете кавалера, но музыка так прекрасна, что не позволить себе увлечь вас в этот танец было бы преступлением против искусства. Позволите?

Она подняла глаза. Перед ней стоял Вронский. Его лицо было спокойно, но в глубине глаз плясали насмешливые, опасные огоньки. Он предлагал ей руку, и Анна знала, что если она сейчас откажет, навлечет на себя сплетни, а если примет — мать будет взбешена. Но внутри неё, где-то глубоко, рождалось непослушное, пьянящее чувство свободы. На мгновение ей показалось, что она слышит стук собственного сердца, заглушающий музыку.

— Вы умеете быть убедительным, сударь, — ответила она, и голос её прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

— Это единственное, что я умею по-настоящему, — улыбнулся он, и его улыбка была подобна блеску кинжала — красивая, острая и смертельно опасная.

Она вложила свою руку в его ладонь, и он, сжав её пальцы с обжигающей, почти дерзкой силой, повел её в центр залы. Анна чувствовала тепло его руки даже сквозь перчатку, и ей казалось, что эта теплота прожигает её кожу насквозь, добираясь до самой крови. Вронский положил ладонь ей на талию, и в этом прикосновении не было той светской чопорности, к которой она привыкла. Его пальцы слегка, почти неувлимо, давили на корсет, словно изучая её тело, и от этого движения по её спине пробежала дрожь, заставившая её внутренности сжаться в сладком предвкушении.

Они начали танцевать. И это был не просто танец. Это было нечто иное — разговор без слов, битва, в которой он безраздельно властвовал. Он кружил её с такой невероятной легкостью и силой, что Анна перестала чувствовать пол под ногами. Её платье развевалось, касаясь его ног, и каждый раз, когда оно задевало его, по её телу пробегала волна мурашек. Он наклонялся к её уху, и его дыхание, теплое и чуть сбившееся, касалось её кожи, заставляя волоски на затылке вставать дыбом.

— Вы прекрасны, Анна, — прошептал он, и это имя, произнесенное его голосом, прозвучало как нежное, запретное проклятие. — Я знаю ваше имя. Я знаю, что вы — та, ради кого стоило проехать пол-России, чтобы украсть у судьбы один танец.

Анна чувствовала, как её дыхание сбивается. Она была так близко к нему, что ощущала запах его кожи — смесь дорогого табака, морозной свежести и чего-то еще,пряного и дикого, как сам лес. Она видела линию его шеи, где билась жилка, и ей безумно захотелось коснуться её губами. Эта мысль испугала её до глубины души, но она не могла прогнать её.

— Вы слишком много о себе возомнили, сударь, — выдохнула она, пытаясь сохранить видимость холодности, но её голос дрожал. — Танец — это просто танец.

Он усмехнулся низко, хрипловато, и его рука на её талии чуть сместилась ниже, туда, где начинался изгиб её бедра, скрытый под слоями юбок. Это было дерзкое, почти неприличное движение, сделанное с такой грацией, что никто из посторонних не заметил бы в нем ничего предосудительного, но Анна почувствовала это всем своим существом. Её ноги словно подкопились, и она на мгновение потеряла ритм, но он, предугадав её движение, подхватил её, прижав к себе на долю секунды дольше, чем того требовал этикет.

— Просто танец, говорите? — его голос звучал глухо, завораживающе. — Тогда почему ваше сердце бьется так сильно, что я слышу его сквозь шум музыки? Почему ваши глаза говорят мне то, что ваши губы отрицают? Вы боитесь меня, Анна, но вы также хотите меня. И это честно. Я не умею лгать, и не прошу лжи от вас.

Его слова, его близость, его наглая, всепоглощающая уверенность лишили Анну дара речи. Она знала, что должна возмутиться, одернуть его, но ее тело не слушалось. Вместо этого она почувствовала, как её пальцы инстинктивно сжали его плечо, как она подалась к нему чуть вперед, ища опоры и в то же время — большего. Вальс кружил их, и каждый поворот приближал их к огромным стеклянным дверям, за которыми виднелся темный, таинственный зимний сад. Сквозь стекло Анна видела призрачные очертания пальм и папоротников, залитых лунным светом, и ей казалось, что этот сад зовет её, манит в свою влажную, благоухающую тьму.

— Я не боюсь вас, — произнесла она наконец, и в её голосе появилась сталь, которой она сама от себя не ожидала. — Я боюсь только того, что этот танец закончится. И мне придется вернуться в мир, где нет вас.

Вронский резко остановился посреди залы, нарушая плавное течение танца, и несколько пар, круживших рядом, удивленно обернулись на них. Его глаза сверкнули, в них вспыхнуло такое же дикое, первобытное пламя, которое, как она поняла, горело и в ней.

— Так не дайте ему закончиться, — сказал он, и в его голосе звучала не просьба, а приказ. Он кивнул в сторону стеклянных дверей. — Пойдемте со мной. Нам нужно поговорить, Анна. Не здесь, не под этими пустыми взглядами. Там. В саду. Я хочу, чтобы вы знали правду. Обо мне, о нас, о том, почему я приехал сюда.

Он не ждал её ответа. Он просто взял её за руку, и Анна, чувствуя, как гулко стучит её сердце, как кровь пульсирует в висках, делая мир расплывчатым и нереальным, позволила увести себя. Она знала, что мать видит её, что князь Шуйский обернулся с недоумением, что светские сплетни разразятся утром невиданным скандалом. Но в этот момент все это не имело ни малейшего значения.

Они вышли на мраморную террасу, и холодный осенний воздух ударил в лицо, обжигая разгоряченную кожу. Стеклянные двери за ними бесшумно закрылись, отрезая их от шумной залы, от музыки, от света, от мира правил и приличий. Они остались вдвоем в тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы да далеким криком ночной птицы. Вронский повернулся к ней, и Анна впервые увидела его лицо так близко, без масок, в призрачном свете луны. В его глазах не было прежней насмешки — только жгучая, почти болезненная страсть, которая заставляла её забыть, как дышать.

— Зачем я здесь? — повторил он ее невысказанный вопрос, и его голос был хриплым, сорванным. — Я приехал, чтобы увидеть вас, Анна. Я слышал о вас, и каждое слово было как пощечина, как удар. Я не выношу, когда что-то или кто-то вызывает во мне такие чувства. Я приехал, чтобы убедиться, что вы — мираж, пустой звук, прихоть моего больного воображения. Но я ошибся. Вы — реальнее, чем сама реальность. Вы — как пламя, в которое я лезу, зная, что обожгусь. И я хочу гореть.

Он подошел к ней так близко, что она чувствовала жар его тела. Его рука легко, почти благоговейно коснулась её щеки, и Анна закрыла глаза от этого прикосновения, которое было подобно электричеству. Она слышала его дыхание, сбитое, как и её собственное. Она чувствовала, как его большой палец медленно гладит скулу, очерчивает линию её губ, и каждый миллиметр этой кожи, казалось, горел огнем.

— Я ничего не могу обещать вам, — прошептала она, не открывая глаз. — Моя семья... мой долг... Это не моя жизнь. Это жизнь, которую мне навязали.

— Забудьте о долге, — его голос был тих, но в нем звучала абсолютная, непререкаемая власть. — Хотя бы на эту ночь. Забудьте обо всем, кроме нас. Посмотрите на меня.

Она открыла глаза. Его лицо было так близко, что она видела каждую черточку, каждую складочку в уголках его губ. Он не касался её губами, но она чувствовала его дыхание на своих губах, и это было мучительнее любого поцелуя. Его пальцы запутались в её волосах, отбрасывая назад прядь, которая выбилась из прически, и это нежное, почти грубое движение заставило её вздохнуть. Она чувствовала себя полностью в его власти, и эта потеря контроля была сладкой, освобождающей.

— Я не знаю, кто вы, Алексей, — прошептала она, и впервые назвала его по имени, и это имя прозвучало как заклинание. — Я слышала о вас ужасные вещи.

— Все они правда, — усмехнулся он, но усмешка была горькой. — Я играл, я рисковал, я нарушал законы. Но я никогда не нарушал своего слова. И я даю вам слово: то, что я чувствую к вам сейчас, — самое честное из всего, что я делал в жизни. Если вы уйдете сейчас, я не буду вас преследовать. Я уеду, и вы меня больше никогда не увидите. Но если вы останетесь... — он замолчал, и его глаза потемнели еще больше, став почти бездонными. — Если вы останетесь, эта ночь изменит всё.

Он наклонил голову, и его губы легко, почти неуловимо, коснулись её лба, потом виска, там, где билась голубая жилка. Анна вздрогнула, и её руки сами собой поднялись, сжимая ладони его сюртука. Она вцепилась в плотную, дорогую ткань, чувствуя под ней твердые мышцы его груди, и сердце её колотилось так, что, казалось, должно разорвать грудную клетку. Запах

его кожи, его дыхания, тепла, исходившего от его тела, окутал её со всех сторон, и она утонула в этом ощущении, забыв, где находится, забыв, что за стеклянной дверью — целый мир, который ждет её возвращения.

— Я останусь, — выдохнула она, и это слово, сорвавшееся с её губ, было подобно приговору. — Я останусь на эту ночь. А что будет завтра — не знаю. Но сейчас я хочу быть здесь. С вами.

Он замер на мгновение, вглядываясь в её глаза, словно проверяя, не обманывает ли она. Затем медленная, торжествующая и в то же время нежная улыбка тронула его губы.

— Тогда пошли, — сказал он, беря её за руку и ведя вглубь зимнего сада, где в лунном свете тонули очертания диковинных растений, где воздух был влажным и горячим, как дыхание другой жизни. — Я покажу вам, что такое быть живой. По-настоящему.

Они ступили под сень пальм, и их фигуры скрылись за густыми зарослями папоротников, оставляя за спиной лишь бледный лунный свет и дрожащие тени. Бальные залы с их музыкой и светом остались где-то далеко, в прошлом, которое уже не имело над ними власти. Впереди была только ночь, полная обещаний и темных, пьянящих тайн.

Глава 2. Исповедь в папоротниках

Зимний сад в усадьбе «Ольгино» был настоящим чудом, созданным руками страстного садовода и безумного архитектора. Огромное стеклянное сооружение, уходящее ввысь на два этажа, дышало влажной, парниковой жарой, резко контрастирующей с ледяным дыханием осенней ночи за его пределами. Здесь царил свой микроклимат, свой мир, где время текло иначе, подчиняясь лишь ритму капель, стекающих по листьям, да мерному дыханию огромных экзотических цветов. Воздух был густым, тяжелым от запаха мокрой земли, прелых листьев и одуряющего аромата ночных орхидей, которые раскрывали свои бархатные лепестки именно в этот час, словно приветствуя незваных гостей.

Анна ступила на мраморную дорожку, и её туфельки на низком каблуке почти беззвучно коснулись влажного камня. Её рука всё ещё лежала в ладони Алексея, и этот контакт был для неё единственным якорем в этом странном, полном теней и шорохов мире. Её сердце колотилось с такой силой, что она слышала его стук в висках, и каждый шаг давался ей с трудом, словно она шла не по ровной дорожке, а по краю пропасти.

Вронский шел уверенно, легко ориентируясь в лабиринте из пальм, фикусов и гигантских папоротников, чьи резные листья достигали самого потолка. Он, казалось, знал этот сад лучше самого садовника, и Анна поймала себя на мысли, что эта его уверенность, эта осведомленность о тайных уголках особняка лишь добавляют ему шлейфа той темной, таинственной репутации, что ходила за ним по пятам.

— Здесь, — сказал он, останавливаясь у небольшой беседки, увитой живым плющом, которая пряталась за густыми зарослями бамбука. — Никто нас не увидит. И никто не услышит.

Анна оглянулась. Стеклянные стены сада отражали лунный свет, создавая иллюзию бесконечного пространства, но сама беседка была укрыта от посторонних глаз настолько надежно, что казалась отдельным миром. Внутри стояла небольшая скамья из кованого железа, покрытая мягкими подушками, выцветшими от времени и влажности. Алексей присел на край скамьи, увлекая Анну за собой, и она опустилась рядом, но не вплотную, оставляя между ними расстояние в несколько дюймов, которое, однако, казалось ей непреодолимым и в то же время мучительным.

Он не смотрел на неё, его взгляд был устремлен куда-то вглубь сада, туда, где тени играли в прятки со светом. Он молчал, и это молчание было тяжелее любого разговора. Анна чувствовала, как её дыхание постепенно выравнивается, но в груди всё ещё пылал жар, который не могли остудить ни прохладный мрамор, ни влажный воздух.

— Вы хотели сказать мне правду, — нарушила она тишину, и её голос прозвучал удивительно ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я слушаю, Алексей. Расскажите мне, кто вы на самом деле.

Он медленно повернул голову, и в его взгляде Анна увидела нечто, чего не замечала прежде — усталость. Глубокая, давняя усталость человека, который слишком долго носит маску, чтобы помнить, какое лицо у него под ней.

— А что вы хотите знать, Анна? — спросил он, и в его голосе не было прежней насмешливой легкости. Он звучал глухо, почти печально. — Что я сын разорившегося помещика, который проиграл всё в карты и застрелился, когда мне было четырнадцать? Что моя мать умерла от чахотки в богадельне, потому что родные отвернулись от неё, сочтя её недостойной их круга? Что я с двенадцати лет жил на улице, пробивался как умел, торговал, воровал, играл, обманывал? Что я поднимался по лестнице успеха, переступая через тела тех, кто был слабее, и что на мне не одна человеческая жизнь? Вы хотите знать эту правду?

Анна замерла. Каждое его слово падало в тишину сада, как тяжелый камень, разбивающий хрупкую гладь её представлений о мире. Она знала, что он темный, она слышала слухи, но слышать это из его уст, видеть эту обнаженную, беззащитную правду в его глазах — было совсем иным. Она хотела отвести взгляд, но не могла. Вместо этого она протянула руку и коснулась его запястья, там, где под тонкой кожей бился пульс, такой же быстрый и неровный, как у неё.

— Я не хочу судить вас, — тихо сказала она. — Кто я такая, чтобы судить? Я, которая всю жизнь прожила в золотой клетке, не зная, что такое настоящая борьба. Я, которая позволяла решать за себя, с кем танцевать, за кого выходить замуж, о чем думать. Вы хотя бы жили, Алексей. Настоящей жизнью. А я... я лишь существовала.

Он резко перевел взгляд на её руку, лежащую на его запястье, и Анна почувствовала, как его мышцы напряглись под её пальцами. Затем он медленно, осторожно перевернул свою ладонь и сжал её пальцы в ответ. Это прикосновение было таким естественным, таким правильным, что Анна на мгновение забыла, где она находится, забыла обо всем, кроме тепла его руки.

— Вы ошибаетесь, Анна, — сказал он, и его голос стал мягче, глубже. — Вы жили. Каждый ваш взгляд, каждое ваше движение — это жизнь. Я видел вас сегодня в зале. Вы стояли у окна, и в ваших глазах была такая тоска, такая жажда иной судьбы, что я понял — вы такая же, как я. Мы оба ищем то, что не дают нам по праву рождения. Но разница в том, что я могу взять это силой, а вы — лишь мечтать.

— Тогда научите меня, — вырвалось у Анны прежде, чем она успела подумать. — Научите меня брать. Научите меня чувствовать.

Он посмотрел на неё так, словно она сказала что-то невероятное, невозможное, и в глубине его глаз вспыхнул тот самый огонь, который она видела во время вальса. Он поднес её руку к своим губам и легко поцеловал кончики её пальцев, касаясь их губами медленно, почти благоговейно, как святыню. Анна ощутила, как от этого прикосновения по её руке пробегают искры, поднимаются к локтю, к плечу, к самой груди, заставляя её сердце биться еще быстрее.

— Вы не представляете, о чем просите, — прошептал он, не отрывая губ от её пальцев. — Если я научу вас чувствовать, вы уже не сможете вернуться в свой мир. Вы будете вечно искать это чувство, эту свободу, и ничто иное не будет иметь для вас значения. Вы готовы к этому?

Анна чувствовала, как его дыхание касается её кожи, как его губы, едва заметно, скользят по её запястью, оставляя на нем невидимые следы, от которых её тело покрывается мурашками. Она хотела ответить, но слова застревали в горле. Вместо этого она просто кивнула, сжимая его пальцы в ответ, всем своим существом выражая согласие на эту опасную игру.

Он отпустил её руку и, чуть подавшись назад, окинул её долгим, внимательным взглядом, словно видел её впервые. В его глазах отражался лунный свет, делая их почти серебряными, и Анна утонула в этом блеске, чувствуя, как тает под его взглядом, как её воля, её привычная сдержанность уступают место чему-то первобытному, дикому.

— У вас невероятные глаза, — сказал он тихо. — В них есть глубина, которую не передать словами. В них есть боль, есть надежда, есть что-то такое, что я искал всю жизнь и никогда не находил. Скажите мне, Анна, что вы видите, когда смотрите на меня? Что вы чувствуете?

Анна на мгновение задумалась, вслушиваясь в свой внутренний голос, который, как ни странно, не кричал об опасности, а пел тихую, пронзительную мелодию.

— Я вижу человека, который не боится быть собой, — ответила она медленно, подбирая слова. — Я вижу того, кто прошел через ад и остался человеком. И это... это вызывает во мне восхищение. И страх. Потому что я чувствую, что рядом с вами я тоже могу перестать бояться. Я могу быть настоящей. И это самое страшное и самое желанное чувство в моей жизни.

Алексей накрыл её лицо ладонью, и его большой палец коснулся её скулы, скользнул к виску, к линии волос, оставляя за собой дорожку из огня. Анна закрыла глаза, отдаваясь

этому ощущению, чувствуя, как его пальцы изучают её лицо, её черты, словно он запоминал их навсегда.

— Я хочу поцеловать вас, — произнес он, и в его голосе не было просьбы, было только утверждение, констатация факта. — Но я не сделаю этого, пока вы сами меня не попросите. Потому что это должно быть ваше решение, Анна. Ваш выбор. Не мое давление, не ваша слабость. А ваша воля.

Анна открыла глаза. Она видела его лицо так близко, что могла разглядеть каждую ресницу, каждый блик лунного света в его зрачках. Она чувствовала его дыхание на своих губах, и это дыхание было прерывистым, тяжелым, словно он сдерживал себя из последних сил. И в этом сдерживании, в этой его готовности ждать её слова, было больше страсти, чем в самом дерзком поцелуе.

— Я прошу вас, — прошептала она, и этот шепот был подобен вздоху, подобен молитве. — Поцелуйте меня. Пожалуйста.

Он не заставил её ждать. Его губы встретились с её губами, и в этом прикосновении не было прежней сдержанности — оно было полным, глубоким, почти болезненным в своей остроте. Анна почувствовала, как мир вокруг неё перестал существовать, как звуки сада, запахи, свет — всё исчезло, растворилось в этом единственном ощущении. Его губы были мягкими, но в них чувствовалась стальная воля, и они двигались по её губам с такой уверенностью, что Анна не могла дышать, не могла думать, только чувствовать.

Его рука скользнула с её лица на затылок, пальцы запутались в её волосах, чуть оттягивая их назад, заставляя её запрокинуть голову и открыться ему ещё больше. И Анна подчинилась, позволяя его языку коснуться её губ, проникнуть внутрь, исследовать её рот так же жадно, как она сама хотела исследовать его. От этого поцелуя у неё перехватило дыхание, её грудь вздымалась под корсетом, и она чувствовала, как каждая клеточка её тела напрягается в слабом ожидании.

Алексей углубил поцелуй, и его рука, лежащая на её талии, скользнула ниже, сжимая ткань её платья, притягивая её к себе так сильно, что Анна ощутила твердость его бедра через несколько слоёв юбок. Это прикосновение было таким интимным, таким откровенным, что она испуганно ахнула, но он не отпустил её, а лишь прижал ещё крепче, заставляя её чувствовать жар его тела, биение его сердца, которое стучало так же бешено, как и её собственное.

— Ты чувствуешь это? — выдохнул он, отрываясь от её губ на долю секунды, и его голос был хриплым, сорванным. — Это не просто игра, Анна. Это жизнь. Это то, что мы оба искали. Скажи мне, что ты это чувствуешь.

— Да, — прошептала она, и её голос дрожал, был полон слез, которых она не могла сдержать. — Да, я чувствую. Я чувствую так, как никогда в жизни. Алексей... я боюсь, что это сон.

— Это не сон, — он поцеловал её в уголок губ, в щеку, в висок, его губы касались её кожи легко, но каждый поцелуй оставлял ожог. — Это реальность. И она жестока, и она прекрасна. Но мы можем быть в ней вместе. Хотя бы эту ночь.

Анна чувствовала, как его дыхание касается её шеи, как его губы опускаются ниже, к основанию горла, и она запрокинула голову еще выше, открывая ему доступ, доверяя ему самую уязвимую часть себя. Его рука, всё еще лежащая на её поясице, чуть приподняла её, и она оказалась у него на коленях, сидя на его бедре, чувствуя, как её юбки задираются, открывая лодыжки и икры, и это движение было таким смелым, таким запретным, что её щеки горели огнем стыда и наслаждения.

— Я хочу, чтобы ты запомнила это, — шептал он между поцелуями, которые спускались по её шее к ключицам, туда, где начиналась кружевная отделка её платья. — Запомнила запах этой ночи, вкус моих губ на твоей коже, жар наших тел. Потому что, что бы ни случилось завтра, эта ночь будет твоей. Навсегда.

Анна не могла ответить, её дыхание прерывалось, её руки сами собой обвили его шею, пальцы запутались в его темных, жестких волосах. Она притянула его к себе, сама уткнувшись лицом в его шею, вдыхая его запах, чувствуя, как биение его крови отдается в её собственном теле. Ей казалось, что она падает в бездну, но этот полет был таким сладким, таким освобождающим, что она не хотела просыпаться.

Они сидели так, сплетенные в объятиях, в тишине ночного сада, нарушаемой лишь их прерывистым дыханием и каплями влаги, падающими с листьев. Анна чувствовала, как его рука медленно, почти машинально, гладит её спину, успокаивая, даря ей чувство защищенности, которого она никогда не знала. Она перестала думать о матери, о князе Шуйском, о долге, о завтрашнем дне. В этом мире, в этой беседке, под сенью пальм, существовали только они двое.

— Алексей, — прошептала она, наконец, нарушая тишину. — Что будет завтра? Куда мы пойдем, когда ночь закончится?

Он замер, его пальцы на её спине остановились, и Анна почувствовала, как его тело напряглось. Он медленно отстранился, чтобы взглянуть ей в глаза, и в его взгляде она увидела ту самую тень, тот самый холод, что прятался за его страстью.

— Завтра, — повторил он, и его голос стал тверже, почти жестким. — Завтра ты проснешься в своей комнате, и, возможно, решишь, что этот танец, эта ночь — всего лишь ошибка, безумство, о котором лучше забыть. Я не стану тебя искать, Анна, если ты не захочешь. Я не стану разрушать твою жизнь, если ты решишь остаться в своём мире. Я даю тебе свободу выбора, даже если она разорвёт моё сердце на части.

— Но я не хочу свободы от тебя, — горячо прошептала она, прижимаясь к нему сильнее, чувствуя, как её глаза наполняются слезами. — Я хочу свободы быть с тобой. Неужели ты не понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.